

Ман Цзянчу закашлялся.

— Завоёвывай сердца добродетелью...

— Ты уже должен был догадаться, кто я. Но я не хочу, чтобы кто-то знал, что ты... приложил столько усилий, дабы разгадать судьбу, и пятнадцать лет ждал здесь моего прихода. Каков твой выбор?

Тихо спросил повернувшись к нему Су Сюань. Сердце Ман Цзянчу пропустило удар. Он не думал, что противник давно всё понял, но, взяв себя в руки, вздохнул и улыбнулся:

— Сдаюсь. Ведь Ваньшу ещё здесь. И мне очень нравится этот парнишка, Гуаньци, так что я не стану рисковать. Но я хотел бы узнать, о чём именно речь.

Су Сюань долго смотрел на Ман Цзянчу, потом усмехнулся:

— Как интересно и необычно... хе-хе, а ты и впрямь оставил потомство со смертной, пусть она всего лишь клон. Я скажу тебе, но тогда ты должен будешь в течение нескольких дней покинуть деревню.

Когда голос старика зазвучал у него в голове, Ман Цзянчу в замешательстве нахмурился, снова вздохнул и, сложив за спиной руки, негромко ответил:

— Хорошо. Я не хочу усложнять. Через несколько дней мы всей семьёй покинем деревню.

Когда два его собеседника удалились, Су Сюань сел под дерево и снял с доски две чёрные фигуры. По мановению его руки мир снова стал ясным и безмятежным, словно ничего не случилось. Старик сложил руки за спиной и пробормотал:

— Поистине, завоёвывать сердца людей добродетелью — самый верный путь! Эти двое очень искренни для Хранителей, которые совершенствовались столько лет.

Задумчивый старик сидел под деревом, спрятав руки в рукава, и шептал:

— Ман Цзянчу и Чжан Цисюань, Лу Тяньчэн. Я никого не забыл? Мда-а, похоже, Хранитель Таинственной Двери Чжан Цисюань и Хранитель Божественного Сокровища Ман Цзянчу умеют слушать голос разума.

Он поднял голову, посмотрел в небо, что-то посчитал на пальцах.

— Время почти пришло... Оставшийся путь мальцу придётся проделать самому. Пора домой,

надо его проверить!

На следующее утро Ли Гуаньци неохотно пробудился от беспокойного сна, щеголяя двумя весьма изысканными чёрными кругами под глазами. Но даже в таком сонном состоянии почувствовал перед собой поток тепла. Вздрогнув, он ударил ногой.

Старик небрежно заблокировал удар, и несколько раздражённо обругал юношу:

— Это ты дал слабительное свиньям семьи Чжао, паршивец?

Ли Гуаньци невольно улыбнулся.

— Вы же не разрешаете мне драться, вот и пришлось выкручиваться, чтобы ему отплатить.

Су Сюань искренне засмеялся и встал, заметив:

— Что ж, этим трём свиньям выдалась незабываемая ночь. Их свинарник... теперь настоящее произведение искусства! Ладно, вставай и делай разминку, встретимся на заднем дворе.

Ли Гуаньци встал, умылся и начал утреннюю тренировку. Это была не просто разминка. Он разделся по пояс, обнажив развитое, мускулистое тело, испещрённое замысловатыми узорами, и сделал множество приседаний с трёхсотпудовым жёрновом в руке. Его духовная энергия и кровь пришли в движение, кожа покраснела.

Старик одобрительно наблюдал. За эти годы ему удалось заложить мощный фундамент для дальнейшего совершенствования Ли Гуаньци. Сам того не подозревая, юноша давно превзошёл уровень простого закаливания тела. Его внутренние органы, кровь, кости были намного крепче и сильнее, чем у обычного человека.

Рядовой ученик школы боевых искусств считался достаточно развитым телесно, если мог одной рукой выжать камень весом сто цзиней*, Ли Гуаньци при всей внешней хрупкости поднимал шестьсот цзиней. А совершенствующиеся, достигшие уровня Заложения Основ, учились поднимать на вытянутых руках тысячу цзиней.

С самого начала совершенствования Ли Гуаньци дед ввёл строгое правило: не причинять вреда обычным людям. Он не должен был использовать свою силу против слабых.

Когда от тела юноши пошёл заметный в ярком солнечном свете белый пар, старик быстро протянул ему одежду.

— Прими целебную ванну, найдешь меня во дворе. Нам нужно обсудить кое-что очень важное.

Ли Гуаньци оделся и кивнул, хотя выглядел он хмуро: чуткая натура не могла не понять, что скрывается за словами старика. Су Сюань больше ничего не сказал.

На пути к совершенствованию и долголетию, чтобы это путешествие стало ещё блистательнее, большую его часть приходится проделывать в одиночку. Нельзя вечно укрывать Ли Гуаньци, хотя забрав его, можно было обеспечить себе беззаботное существование.

«Если всё так просто, чем я мог заслужить право называться внуком Су Сюаня?»

Задумался Ли Гуаньци.

Скорее всего, на излёте ночи дед был рядом — это единственное объяснение его неожиданно спокойного сна под утро. Тем не менее, юноша всегда знал, что рано или поздно этот ужасный момент придёт.

Вспомнив о целебной ванне, Ли Гуаньци скривился и стиснул зубы. Он понятия не имел, что в ней, но ощущение было такое, словно в каждый, даже самый крошечный участок его тела, впиваются тысячи стальных иголок. Обычный человек уже давно бы сдался, но он каким-то образом терпел эту пытку из года в год.

Когда Ли Гуаньци закончил лечебные процедуры, на заднем дворе дед уже сидел за столом с татуировальной иглой наготове. Ли Гуаньци без колебаний снял рубаху и повернулся спиной к старику.

Старик тихо сказал:

— Это в последний раз. Потерпи.

Ли Гуаньци, не сдержавшись, с язвительной улыбкой заметил:

— Давай, дедуля. Бывало и хуже. Я выдержу.

Старик ласково потрепал его по голове, пробормотал что-то насчёт "дерзкого паршивца", а потом щедро зачерпнул вязкую жидкость с нефритового блюда и начал быстро наносить загадочные знаки на кожу юноши.

Игла сновала по спине Ли Гуаньци, но он оставался неподвижен, как камень, хотя на лбу выступила испарина, а с губ порой срывался приглушённый стон. Он стойко переносил мучительную боль. Если во время целебной ванны казалось, будто в тело впиваются тысячи игл, сейчас его словно резали на куски, процарапывая сами кости. Режущая боль была в сотни

раз сильнее, чем от ванны.

Наконец закончив, старик не сдержал усмешки:

— Не боишься? Вдруг я пытаюсь тебя прикончить, ты, наглый сопляк.

Юноша повернулся к деду и с ухмылкой ответил:

— Дедушка, если бы вы хотели мне навредить, вы бы столько лет не ходили в горы за целебными травами, а могли бы просто бросить меня замерзать на улице восемь лет назад.

С этими словами Ли Гуаньци опустил голову и оделся.

— Дедушка...

— М-м?

— Вы собираетесь уходить?

— Да.

— Мы ещё увидимся?

— Да!

Су Сюань паковал свои вещи.

В его глазах что-то промелькнуло, и он поднял голову. Оглядевшись, старик наколдовал из ниоткуда нечто чуть ли не больше самого Ли Гуаньци, а потом, посмотрев на мальчика, который восемь лет называл его дедушкой, искренне сказал:

— Путь совершенствования долг и тернист. Будь осторожен с теми, кто не имеет к тебе отношения, но при этом слишком добр. Древние существа, которые потратили на совершенствование тысячи лет и отчаялись добиться прорыва, могут прибегать к несправедным методам, вроде переселения в чужое тело.

Хотя за свою жизнь юноша уже много раз слышал эти слова, он серьёзно кивнул.

— Мой уход — последнее средство. Это очень опасно. Я не смею взять тебя с собой. Послезавтра ты наконец сможешь навсегда покинуть горы. И этот гроб мечей — самое важное,

что я могу тебе дать! Помни, никогда не расставайся с ним. Всегда носи с собой!

Юноша уставился на смоляно-чёрный гроб, украшенный загадочными письменами. Ему стало по-настоящему любопытно. Он слышал о ножнах для мечей, но что такое гроб мечей?

Ящик длиной больше четырёх чи выглядел огромным. Старик ничего не объяснил, просто сказал носить его. Когда же Ли Гуаньци попытался его поднять, гроб показался неподъёмным.

*Китайский фунт, равен примерно 0,5 кг (в древности 228-258 г).

<http://tl.rulate.ru/book/98242/3323477>